

Объект: РЕАЛЬНОСТЬ. Заметки выжившего связиста

Вступление:

В учебниках по радиотехнике всё логично: есть сигнал, есть приемник, есть помеха. Но когда ты выходишь «в поле», выясняется, что мир — это не только чистые схемы.

Иногда система начинает «фонить» там, где тока быть не должно.

Мы привыкли называть это мистикой или интуицией, но для меня это — неучтенные параметры среды. Мои датчики — поясница, сны и странный зуд в затылке — работают точнее любого осциллографа. Этот текст — не сборник страшилок, а лог-файл событий, где физика процесса давала сбой, а биологическая защита вытягивала меня из мертвых зон. Если система орет «беги» — ты бежишь. Если зеркало в три часа ночи начинает «пинговать» твой мозг — ты фиксируешь это как входящий пакет данных.

Кто однажды по-настоящему подружился со своей головой и жопой, неизбежно становится суеверным. Мы превращаемся в своеобразных язычников со своей личной, непонятной окружающим религией. В этой вере нет канонов, но есть четкие приметы, а у смерти для каждого из нас припасено своё, очень личное лицо.

Короче, читай, угорай, но на ус мотай: если в жопе засвербело — значит, пора валить.

Добро пожаловать в мой мир, где каждый «пиздык» — это урок, а каждый выживший — это просто тот, кто вовремя считал код ошибки. Система не ошибается. Все истории здесь — чистая правда, как бы в это ни было трудно поверить.

Эпизод 1: Нулевой допуск

В восемь лет ты еще не знаком с сопроматом, но уже на инстинктах чувствуешь массу и инерцию предметов. Наш шкаф в интернатской спальне был классическим советским изделием: метр восемьдесят в высоту, девяносто в ширину. С левой стороны располагалось то самое широкое отделение для верхней одежды, где на перекладине висели куртки и рубашки. Несмотря на то, что сам по себе шкаф был довольно легким, его двери обладали одной технической особенностью — они сидели в пазах очень плотно. Чтобы сдвинуть створку с места, требовалось отчетливое усилие, преодолевающее силу трения дерева о дерево. Самопроизвольное открытие из-за люфта или перекоса пола было исключено именно из-за этой плотности притвора. Первый сбой в системе произошел около трех часов ночи. В спальне стоял тяжелый запах казенного белья и мерное сопение спящих пацанов. Я лежал и смотрел в темноту, потому что уснуть тупо не мог — мозг почему-то работал на повышенных оборотах, фиксируя каждый шорох в здании. Входная дверь в комнату в ту ночь была открыта настежь, и из коридора падал тусклый, мертвенный свет, обрисовывая контуры мебели.

И тут началось движение.

Я отчетливо услышал сухой звук преодоленного сопротивления — «древесный» щелчок. Левая створка шкафа начала оживать. Это не было падением под собственным весом. Тяжелый массив дерева плавно, с пугающей равномерностью начал открываться. Створка описывала в темноте идеальную дугу, двигаясь так, будто за ручку её ведет невидимый, но очень спокойный и уверенный человек. Дверца замерла ровно на девяносто градусов, зафиксировавшись в крайнем положении. В комнате не было ни малейшего сквозняка, а в коридоре — ни души. Я превратился в столб, боясь даже вздохнуть. Страх был такой плотности, что мозг просто отказался обрабатывать эту ошибку в коде реальности. Шкаф стоял нараспашку, обнажая

черные провалы с одеждой, которые в три часа ночи выглядели как пасть портала в никуда. В какой-то момент предохранители в голове просто сгорели от перегрузки, и я провалился в тяжелый, защитный сон. Утром дверь так и осталась открытой, безмолвно подтверждая: механика была нарушена осознанно.

Через несколько дней ситуация повторилась, но с иным вектором силы. Снова ночь, снова тишина и та же открытая настежь входная дверь, из которой на пол падал прямоугольник коридорного света. Никакого движения за порогом, никакой логической причины для изменения состояния системы.

И вдруг тишину разорвал удар.

Дверь не просто прикрылась — её именно захлопнули. Её впечатали в косяк с такой яростной силой, будто по ней ударили кувалдой. Это не было аккуратным жестом или случайным движением воздуха. Грохот дерева о дерево должен был поднять на ноги весь этаж, но по странному закону этой тишины никто из пацанов даже не пошевелился. Я остался один на один с этим звоном в ушах, глядя на закрытую дверь. Источника энергии для такого импульса в пустой комнате не существовало, но механизм замка послушно защелкнулся. Физика в этих стенах работала по каким-то своим, не задокументированным и пугающим правилам.

Эпизод 2: Сигналы из слепой зоны

Инженер привык доверять оптике и акустике, но в частном доме, где только что проводили человека в последний путь, эти законы начинают сбоить. У смерти есть свойство «зашумлять» пространство, создавая помехи там, где система должна быть чистой.

Случай первый. Дифракция на кинескопе.

Зима, около семи или девяти часов вечера. После смерти бабушки младшего брата в доме, по традиции, занавесили все зеркала и экраны. Телевизор — старый, тяжелый ламповый аппарат — стоял накрытый плотной тканью. Брат, будучи совсем мелким, в какой-то момент решил стянуть это покрывало.

Как только ткань соскользнула с выпуклого стекла кинескопа, комнату прорезал истощенный детский визг. Мы прибежали на звук мгновенно и застали брата в полной истерике. Он, захлебываясь и сбиваясь, пытался объяснить, что в темной глубине выключенного экрана, в этом мертвом «зеркале», он четко увидел отражение бабушки. Она стояла прямо у него за спиной. Но когда он обернулся, в комнате была только пустота. Взрослые тогда не стали вникать в детали: мать просто отвесила ему подзатыльник, чтобы прекратить истерику и чтобы он не «мутил такую фигню» в и без того тяжелое время. Систему просто принудительно перезагрузили, списав всё на детскую фантазию, но оптика в ту секунду выдала картинку, которой не должно было существовать.

Случай второй. Акустический импульс.

Прошло около полугода. Лето, девятый или десятый час вечера, тот же частный дом. Мы сидели в комнате и спокойно смотрели телевизор. Тишину прервал звук, который невозможно спутать ни с чем другим.

Это был стук в окно. Спокойный, размеренный, абсолютно нормальный человеческий стук. Так стучит тот, кто стоит прямо за стеклом и ждет, когда его заметят. Окно выходило на хорошо освещенную часть двора, которая просматривалась идеально — ни кустов, ни углов, где можно было бы скрыться за секунды. Любой, кто стоял у стекла мгновение назад, оставался бы в поле зрения еще долго.

Мы среагировали мгновенно. Выскочили на улицу через считанные секунды, готовые встретить гостя. Пустота. Ни души. Мы обошли дом по периметру: ни звука шагов по гравии, ни тени в свете фонарей, ни шелеста травы. Спрятаться там было физически невозможно за такой короткий промежуток времени. Это был чистый звуковой сигнал при полном отсутствии физического источника. Кто-то или что-то постучало в мир живых, оставаясь в зоне, которую не фиксирует зрение. Мы просто переглянулись, пожали плечами в духе «ну, ладно» и вернулись в дом, понимая, что в нашей системе есть неучтенный пользователь, подающий сигналы из-за пределов физической досягаемости.

Эпизод 3: Синхронизация таймера

У любого измерительного прибора есть диапазон чувствительности. У инженера этот диапазон часто заканчивается там, где начинается интуиция, но если ты чувствуешь давление — значит, есть источник силы. У меня эта неприязнь к зеркалам была встроенной, системной настройкой еще с детства.

Я отчетливо помню это ощущение в доме у бабушки. В её комнате висело старое зеркало, частично прикрытое какими-то вещами на гвоздике. Я мог не смотреть на него, мог даже не видеть его за одеждой, но физически, кожей чувствовал, что оно там есть. Это была не мистика, а чистая сенсорика: тыходишь в помещение и понимаешь, что в пространстве находится объект, который «фонит» холодным, недобрым вниманием.

К шестнадцати-семнадцати годам эта особенность никуда не делась. В моей комнате того времени была серьезная проблема с планировкой: прямо напротив кровати, всего в паре шагов, стоял шкаф с огромным зеркалом. Оно было направлено четко на меня. В тот период я активно изучал техники осознанных сновидений — пытался «хакнуть» фазу сна и сохранять контроль внутри подсознания. Моя фантазия работала на полную мощность, картинки рисовались очень сочные, и я засыпал быстро, уходя во внутренние миры. Но внешняя реальность решила подкинуть мне системный баг, который никак не был связан с моими тренировками.

В системе прописался четкий таймер.

Я начал просыпаться среди ночи. Без кошмаров, без резких звуков — просто мгновенная активация сознания в состоянии полной бодрости. В первую ночь я глянул на часы: 3:31. Подумал — бывает. На вторую ночь цифры показали 3:32. На третью ночь я уже подсознательно ждал отмашки.

Я открыл глаза, сфокусировал взгляд на электронном табло, и ровно в эту секунду цифры перескочили на 3:33.

Эта синхронизация продолжалась какое-то время с пугающей точностью. Ты просыпаешься, ловишь «три тройки» на часах и кожей ощущаешь на себе то самое давящее, мертвое присутствие зеркала из угла комнаты. Я не связывал это со своими практиками — это были процессы разного порядка. Одно происходило внутри головы, другое — на тумбочке у кровати и в амальгаме на дверце шкафа.

Явление исчезло так же внезапно, как и появилось. Будто внешний триггер, который пинговал меня каждую ночь, просто отключили за ненадобностью. Но инженерная память зафиксировала: зеркала всегда были чем-то большим, чем просто полированное стекло. Они работали как интерфейсы, способные в определенный момент «вызвать абонента» строго по расписанию.

Эпизод 4: Контактный импульс

Когда ты инженер, ты понимаешь разницу между хаотичным шумом и направленной энергией. Ветка, бьющая по стеклу в шторм, дает дробный, беспорядочный звук.

Падающее яблоко — глухой, точечный удар. Но то, что произошло во втором часу ночи в той пристройке, которую я снимал, не поддавалось никакой технической диагностике. Снаружи была типичная осенняя хмарь: ветер, дождь, шум стихии. И вдруг по стеклу жахнуло.

Это не был стук человека, который просит войти. Это был удар такой силы, будто окно пытались вынести внутрь комнаты вместе с рамой. Стекло жалобно звякнуло от запредельной нагрузки, но осталось целым. Я среагировал на инстинктах: нож в руку, мгновенная проверка периметра. Выскочил на улицу под дождь, готовый к физическому столкновению.

Результат обхода — чистый ноль. Возле окна росла яблоня, но её крона уходила выше козырька, ветки физически не могли достать до стекла даже при самом мощном порыве ветра. Я проверил землю под окном — ни одного упавшего яблока, которое могло бы срикошетить в раму. Вокруг дома — пустая, залитая дождем темнота. Ни следов на раскисшей земле, ни движения в тенях. Энергия удара была колоссальной, но источника в материальном мире не существовало.

Я вернулся в комнату, но адреналин заблокировал возможность сна. Сидел, сжимая нож, пока нервы понемногу не начали отпускать под утро. Наконец я пересел на матрас, решив хотя бы просто закрыть глаза. И вот тогда система выдала финишный баг.

Я почувствовал это кожей спины. Это не был сквозняк или мышечный спазм. Ощущение было такое, будто кто-то сложил пальцы «пауком» и быстро, перебирая всеми пятью точками касания, пробежал по моей спине. Это было отчетливое, намеренное движение — как будто нечто невидимое решило не просто напугать звуком, а физически «пощупать» живой объект в этой запертой комнате. В ту секунду я понял: можно сколько угодно искать логику в яблонях и ветре, но когда нечто переходит от ударов по стеклу к тактильному контакту, твоя готовность к обороне с ножом в руках превращается в фарс. Ты просто находишься в зоне интереса того, чья механика движений нам абсолютно чужда.

Глава 5: Триада выживания

В инженерии существует понятие каскадной защиты и удаленного мониторинга. Моя система безопасности за годы полевых испытаний выстроила уникальную триаду: Голова, Жопа и Поясница. И если голова и жопа отвечают за локальные проблемы, то поясница и сны — это датчики, работающие по принципу квантовой связи с доверенными узлами.

1. Датчик Жопа (Локальный триггер).

Она работает в ближнем радиусе. Когда ситуация вокруг меня начинает киснуть, когда проект выглядит идеально, а на деле пахнет провалом, жопа выдает первичный импульс: Здесь что-то не так. Это фильтр на бытовую и рабочую хуйню, позволяющий не тратить время на пустые действия.

2. Индикатор Поясница (Аварийный мониторинг).

Это самый мощный узел системы. Поясница никогда не болит просто так — она срабатывает как индикатор критического происшествия у кого-то из моих близких. Это физический сигнал о чужой беде, который пробивает пространство на любом расстоянии.

Система калибровалась на жестких кейсах с моим другом. Сначала поясница загорелась, когда его пырнули ножом. В другой раз сигнал прошел, когда он перевернулся в такси. В обоих случаях я физически ощущал этот зажим в

позвоночнике еще до того, как поступала официальная информация. Это прямая передача данных о критическом повреждении дружественного узла в сети.

3. Процессор Голова и режим Сон (Профилактика).

Если человек из моего круга начинает подозрительно часто появляться в моих снах, голова сразу переводит это из разряда ностальгии в разряд технической проверки. Для меня это не значит, что я соскучился. Это значит, что с этим конкретным человеком происходит какая-то хуйня и его нужно срочно проверить. Сон в данном случае — это фоновая диагностика, которая подсвечивает проблему до того, как она перейдет в фазу физической боли.

Этот тандем сформировался как ответ на раннее знакомство со смертью. Когда ты понимаешь, что мир — это не только чертежи, но и внезапные сбои, организм отращивает дополнительные антенны. Мне не нужно слушать чужие доводы — если триада дает сигнал, аудит завершен. Доверять стоит только той боли и тем образам, которые никогда не врут.

Глава 6: Протокол «Пожарный колокол»

В инженерном деле самое страшное — это когда система начинает фонить. Она еще работает, показатели вроде в норме, но ты кожей чувствуешь назойливую вибрацию, которая говорит: скоро всё разлетится к чертям. Для меня таким индикатором стала поясница. Она не болит резко, она тянет — нудно и постоянно. Это физический сигнал о том, что на удаленном узле начался необратимый процесс.

Самый жесткий сбой произошел в день смерти моей жены. Ситуация тогда была критической: гиперкоагуляция, сахар упал в двоечку. Я полтора часа пытался привести её в чувство, вымотался в край, но всё-таки заставил сделать необходимые процедуры. Когда убедился, что она пришла в себя, я сказал: «Если станет плохо — сразу вызывай скорую», так как сам был далеко и физически помочь больше не мог. После этого я просто вырубился. В этом сне система выдала четкий тизер: кладбище, памятник и её фотография на нем. Это не было фантазией, это была фиксация факта. Проснувшись, я не стал ждать новостей и позвонил сам. На том конце ответил участковый, который уже оформлял протокол. Время смерти и время моего «отчета» во сне совпали почти до минуты.

Второй случай с моей нынешней девушкой подсветил пугающую параллель в сценариях. Отделим мух от котлет: схожесть была не в диабете, а в другой коварной болячке, которая была у жены до смерти. Это из тех недугов, что приходят быстро, тихо и бьют максимально подло. У нынешней девахи всё пошло по тем же рельсам, по тем же паттернам состояния. Ощущение надвигающейся поломки в реальности не покидало, хотя она игнорировала предупреждения, а за день до больницы и вовсе на эмоциях послала меня на хер.

В ту ночь сон был мусорным, непонятным, но интуиция орала об ошибке. На следующий день пришло подтверждение: она сама отписалась, что упала дома в обморок и теперь под капельницами. Это было финальное предупреждение, которое она всё-таки получила. Мы продолжаем встречаться, но этот инцидент стал жестким уроком по проверке системных сходств и анализу критических состояний.

Важное техническое уточнение: эта система мониторинга работает в строго пассивном режиме. Я не могу отправить запрос или намеренно просканировать чье-то состояние — датчики не работают «по требованию». Кроме того, эта сигнализация никогда не распространяется на меня самого. Поясница и сны — это интерфейс исключительно внешнего приема, который активируется сам по себе и только тогда, когда критическая

ошибка возникает на стороне другого человека. Настроить этот процесс или вызвать его искусственно невозможно.

Стоит отметить, что за все время было зафиксировано всего несколько таких случаев. Система не срабатывает по пустякам — она активируется только тогда, когда ситуация на удаленном узле достигает критического пика и возникает необходимость вмешаться. Это не постоянный фон, а именно экстренный протокол оповещения, который включается лишь в исключительных обстоятельствах. Это работает как принудительный вывод из режима ожидания для решения конкретной, критической задачи.

Глава 7: Изоляция и помехоустойчивость

В нашей работе есть вещи, которые пугают обывателя, но для инженера являются просто специфическими условиями эксплуатации. Темнота и смерть — это как раз такие параметры. Моя помехоустойчивость к ним не была врожденной, она стала результатом жесткой калибровки в детстве.

Борьба с темнотой началась с простого упражнения на выдержку. Когда мы с матерью возвращались домой, я заходил в темную комнату, поворачивался лицом к стенке и ждал, пока закроется входная дверь. Сначала я стоял с плотно закрытыми глазами, борясь с желанием обернуться, а со временем начал оставлять их открытыми. Я заставлял свой мозг принимать отсутствие сигнала как норму, пока темнота не перестала быть враждебной средой. Теперь для меня это просто штатный режим работы, где нет места ложным помехам воображения.

Так же ушел и страх перед покойниками. Этот барьер был сломан, когда умерла бабушка моего брата. Мы находились в одном доме, и она лежала в соседней комнате. Нас разделяла всего лишь шторка, через которую мне приходилось проходить каждый раз, когда нужно было переместиться по дому. Первое время это вызывало напряжение, но уже через пару дней мне стало абсолютно по барабану.

Смерть — это окончательное отключение узла от сети. Снятие питания с оборудования. Мое спокойствие в этом вопросе — не цинизм, а понимание физики процесса. Когда ты привыкаешь проходить мимо того, что уже выключено, ты перестаешь плодить панику там, где нужен холодный расчет.

В моем мире паника равносильна потере контроля. Помехоустойчивость к кладбищенской тишине или абсолютному мраку — это броня. Если ты не боишься того, что уже мертво, у тебя гораздо больше шансов адекватно реагировать на то, что все еще проявляет активность в тенях. Ты не тратишь ресурс на страх — ты тратишь его на анализ ситуации. Твое спокойствие делает тебя неуязвимым для внешнего давления среды, которая только и ждет, когда твои датчики выдадут ошибку.

Эпизод 8: Остаточный импульс

В инженерии бывает так: питание выключено, но в цепи остается остаточный заряд. Конденсаторы разряжаются, реле щелкают напоследок — это импульс, который догорает в системе. Со смертью знакомых иногда происходит то же самое.

О смерти одного знакомого я узнал максимально прозаично: он просто не вернул долг. Я писал ему, пытался выйти на связь, но ответа не было. Позже мне позвонили и сообщили, что человека больше нет. Получив эту информацию, я сам набрал нашему общему другу, чтобы сообщить новость.

Друг в это время находился на улице. Пока я рассказывал ему по телефону о случившемся, он внезапно прервался. Сказал, что кожей чувствует чье-то присутствие рядом с собой — прямо физическое ощущение, что в пустом пространстве кто-то стоит

и слушает. Друг не стал дожидаться продолжения или разбираться, что это, а просто быстро свалил с улицы в дом.

Это была короткая, но четкая фиксация. Человек на том конце провода поймал интуитивный фон присутствия ровно в момент передачи данных о смерти. Как будто тот, кого мы обсуждали, прошел по линии связи коротким замыканием. Мелкий сбой в пространстве, который лишний раз напоминает: когда мы поминаем мертвых, иногда невольно замыкаются контакты, которые уже должны быть разомкнуты.

Эпизод 9: Фантомный вызов

В любой системе связи случаются сбои, которые инженеры называют шумом. Но иногда этот шум обретает слишком четкую структуру. У меня это проявилось в виде звонков, которые не имели отправителя и понятной цели, но несли в себе странный, пустой заряд.

Первый раз это случилось в 2011 году, когда у меня еще в детстве появился первый мобильник. Приблизительно в два часа ночи на экране высветился скрытый номер. Я поднял трубку, но вместо голоса там была тишина. Не та бытовая тишина, когда слышно дыхание или фон помещения, а ощущение, будто микрофон на той стороне намеренно выключен или сигнал идет из мертвого вакуума. Через пару лет ситуация повторилась один в один: снова глубокая ночь, неизвестный номер и та же самая чистая тишина.

С точки зрения логики того времени, мобильным мошенникам в Казахстане не было никакого смысла заниматься подобным в два часа ночи. Интернет-банкинг и системы удаленных краж тогда не были развиты, и такие прозвонки были просто бесполезны. Это не было человеческим фактором.

Ощущения после таких вызовов оставались максимально жутковатые. Ты сидишь в ночной тишине, смотришь на погасший экран и просто думаешь: Что это, блядь, сейчас было?. Это напоминало проверку связи от сервера, который не должен существовать. Кто-то или что-то прозванивало линию насквозь со скрытого адреса, фиксируя активность узла. В моей системе это осталось как лог о пустом сигнале — напоминание, что линии связи иногда уходят туда, куда нам заглядывать еще рано.

Глава 10: Злобучие люки (Серия «Повезло дебилу»)

В логах любого инженера есть моменты, когда техника безопасности выходит из чата, и в игру вступает чистое, неразбавленное везение. У меня это везение почему-то всегда было связано с открытыми люками — ловушками инфраструктуры, которые словно ждали момента, чтобы проверить мою систему на прочность.

Случай первый: Ловушка в траве.

Это было в детстве, в ПГТ. Мы шли с младшим братом, ржали, внимание было на нуле. В какой-то момент я просто шагнул в пустоту. Оказалось, кто-то спиздил крышку люка, а сама дыра надежно спряталась в высокой траве. Самое интересное в этой ситуации — реакция окружающих. Я исчез настолько мгновенно и бесшумно, что они даже не поняли, куда я делся. Пока они бегали кругами и искали меня, я уже висел в колодце.

Единственное, что меня тогда спасло от падения на пять-шесть метров — это рост. Я успел влететь в этот ствол враспорку, ухватившись руками и ногами за стенки. Минут десять я там корячился, вытягивая себя обратно на свет. Помощи ждать было не от кого, система спасала себя сама. Если бы я был чуть ниже ростом — ушел бы на дно без вариантов.

Случай второй: Катапульта.

Второй раз задача усложнилась. Я разогнался на велике в селе и на полной скорости влетел в выкопанный ров. Велик воткнулся в землю, а я, по всем законам баллистики, катапультировался из седла прямо в открытый люк, который находился по траектории полета.

Здесь сработало сразу два уровня защиты. Во-первых, люк был забит мусором, что смягчило приземление. Во-вторых, массивная стальная труба внутри оказалась смещена к краю. Приземлился я на нее — этот лог писал бы кто-нибудь другой. В итоге я отделался жесткой царапиной на груди от руля и сломанной вилкой велосипеда. За вилку потом еще и прилетело от старших, что было обиднее всего.

Эти случаи научили меня одной вещи: реальность полна скрытых дефектов. И если ты не смотришь под ноги, система обязательно попытается тебя утилизировать. Тот факт, что я до сих пор в строю после таких полетов, говорит лишь о том, что у моего ангела-хранителя железные нервы и очень быстрая реакция на мои косяки.

Глава 11: Беги, Джонни, беги (Марафон с товарняком)

В ПГТ логистика всегда строится на выборе: либо идти по правилам и обходить лишние кварталы, либо срезать через железную дорогу. Как истинный оптимизатор ресурсов, я выбрал второй вариант. Родственники попросили сходить в магазин за специфическим грузом — пятью бутылками водки в долг. До магазина по рельсам я дошел штатно, а вот на обратном пути система выдала критическую ошибку в расписании.

Сзади меня настиг товарный поезд. Он шел на полном ходу, и расстояние до локомотива сократилось до критических двадцати метров. Спрыгнуть в сторону было тупо негде — конструкция путей в том месте не оставляла шансов для маневра.

Оставался только один вариант: форсаж.

В этот момент я, вероятно, побил мировой рекорд по бегу. Тапочки были потеряны на первых же метрах дистанции, но ситуация осложнялась тем, что в руках был сверххрупкий груз, который требовал идеальной стабилизации. При этом сам я на тот момент не употреблял — выступал исключительно в роли ответственного доставщика. Я несея по шпалам босиком, чувствуя спиной дыхание многотонного состава. Если бы я хоть на секунду замешкался или запнулся, система ушла бы в необратимый офлайн. Но аварийный режим организма отработал на максимум. Я успел добежать до места, где можно было прыгнуть, и десантировался с путей буквально перед самым носом у поезда.

Тапочки остались в жертву железной дороге, но груз был доставлен родственникам без единой трещины. Это был наглядный пример работы в условиях экстремальной перегрузки: когда на кону стоит твоя жизнь и целостность пяти бутылок водки, ты становишься сверхзвуковым объектом, способным на невозможное.

Глава 12: Коэффициент выживаемости (Статистическая погрешность)

Если верить моим подсчетам, реальность пыталась сбить меня несколько десятков раз. Точная цифра в логах постоянно плавает из-за особенностей памяти, но порядок именно такой — пара десятков эпизодов, когда я находился на прямой траектории столкновения. В дорожном движении я тот самый объект, который раз за разом оказывается в зоне поражения, но в последний момент выходит из-под удара.

Большинство этих случаев развивалось по классическому сценарию: критическое сближение, визг тормозов и осознание, что до тотального списания системы оставались считанные сантиметры. Каждый такой эпизод — это не просто удача, а работа инстинктов в режиме реального времени. Когда ты столько раз проходишь по краю, у тебя вырабатывается специфическое чутье на векторы движения: ты

начинаешь сканировать пространство и просчитывать траектории еще до того, как угроза станет явной.

Тот факт, что после пары десятков попыток физического устранения я всё еще в строю и без единой вмятины, говорит о высоком коэффициенте отказоустойчивости моего «железа». Система явно имеет на меня долгосрочные планы, раз раз за разом выдергивает меня из-под колес в самую последнюю секунду. В моей прошивке функция «выжить вопреки статистике» прописана как одна из самых надежных.

Глава 13: Дверной замок (Система «Москвич»)

В старой технике понятие «надежность» всегда было относительным. Если ты едешь в «Москвиче», ты должен быть готов к тому, что машина в любой момент может решить облегчить свою конструкцию, избавившись от лишнего веса — например, от тебя.

Это произошло в том же селе. Мы шли на полном ходу, выжимая из «Москвича» всё, что он мог дать по тем дорогам — километров 40–50 в час. Машина была, мягко говоря, уставшая, кузов играл на каждой кочке. В какой-то момент, на крутом повороте, физика взяла своё: центробежная сила надавила на дверь, и замок, который давно держался на честном слове, просто сдался.

Дверь распахнулась настежь, и я уже начал движение по траектории катапультирования в кювет. В этот момент сработал чистый рефлекс: я успел не только удержаться внутри, но и на лету поймать дверь, захлопнув её обратно прежде, чем меня вытянуло наружу.

Это был отличный урок по механике: никогда не доверяй узлам, которые не имеют дублирующей системы фиксации. Тот факт, что я успел закрыть дверь на полном ходу, не вылетев на дорогу, — еще одна галочка в списке моего везения. Система «Москвич» пыталась меня выплюнуть, но мой личный контроллер успел вовремя заблокировать выход. С тех пор я проверяю замки не только глазами, но и плечом.

Глава 14: Гидродинамика и арматура (Курс подводного выживания)

В моей жизни обучение новым навыкам всегда происходит по методике экстремального погружения. Плавать я научился не в лазурном бассейне, а в месте со специфическим названием Бурля. Это была своего рода природно-техническая выемка, напоминающая бассейн глубиной около полутора метров, куда под напором из трубы поступала вода.

Особенность этого водоема заключалась в том, что на дне торчала старая арматура. В сознательном возрасте я совершил ошибку в расчетах: мне понадобилось подплыть ближе к трубе, и я случайно попал под струю. Напор воды был такой силы, что меня мгновенно прижало ко дну, где я зацепился за одну из арматурин.

В условиях пузырящейся воды и ограниченного запаса воздуха мне пришлось экстренно осваивать навыки подводного маневрирования. Тот факт, что я смог не запаниковать и отцепиться от штырей под прямым давлением потока, стал моим финальным экзаменом. По факту, я научился не просто плавать, а выживать под водой в агрессивной среде. С тех пор я знаю точно: если жизнь пытается прижать тебя ко дну арматурой, это просто повод научиться двигаться быстрее и точнее.

Глава 15: Злобучие лестницы (Вертикальный предел)

Если люки проверяли мою устойчивость на плоскости, то лестницы взяли на себя контроль за вертикальными осями. В моей истории это всегда был выбор между «спуститься как человек» и «совершить несанкционированный полет».

Случай первый: Скользящая обувь.

Первый раз я шел на полном ходу, и подвела периферия — обувь оказалась слишком скользкой для этой поверхности. Ноги просто ушли вперед, и я полетел вниз. Пролетев

две-три ступеньки, я каким-то чудом успел среагировать и намертво вцепиться в балясины — эти вертикальные стойки под перилами. Это спасло от полноценного падения и позволило удержать систему в равновесии, хоть и с резким выбросом адреналина.

Случай второй: «Сушняк» из ниоткуда.

Второй раз всё было гораздо серьезнее и страннее. Я не просто поскользнулся, а пролетел весь лестничный пролет целиком. Самое паршивое, что деталей в памяти почти не осталось — момент падения как будто стерли из логов. Ощущение было такое, будто мне в процессе пробили жесткий «сушняк», после которого сознание на секунду ушло в ребут, а очнулся я уже внизу. И снова — ни одной критической поломки после такого десантирования, что само по себе аномально.

Случай третий: Сталинский артефакт.

Приставные лестницы — это вообще отдельный вид инженерного предательства, особенно когда они старше всех окружающих построек. Мне достался экземпляр, который явно видел еще Сталина в его лучшие годы. Это была древняя деревянная конструкция, собранная на честном слове и ржавых гвоздях, но щедро залитая слоями краски для маскировки гнили. Как только я набрал на ней высоту, этот реликт эпохи не выдержал нагрузки и просто сложился подо мной. Времени на раздумья не было: пока «сталинский артефакт» превращался в щепки, я успел вовремя прыгнуть, уйдя от прямого столкновения с землей.

Эти случаи научили меня простому правилу: любая вертикальная конструкция — это потенциальная катапульта. Неважно, бетонный это пролет или гнилое дерево на гвоздях, — если ты не готов прыгнуть в любую секунду, значит, ты слишком доверяешь этому миру. Моя система научилась группироваться раньше, чем мозг осознает, что пол ушел из-под ног.

Глава 16: Поцелуй автобуса (Финальный аккорд)

Завершает серию моих столкновений с реальностью случай, который окончательно подтвердил: моя черепная коробка обладает повышенным коэффициентом жесткости. Это произошло на остановке. Я стоял на бордюре, максимально близко к проезжей части, в ожидании транспорта.

Водитель то ли решил проявить чудеса маневрирования, то ли просто меня не заметил, но он зашел на остановку по такой траектории, что на скорости около 20 км/ч прописал мне четкий прилет прямо в голову. Это был «поцелуй» стальной машины, после которого в глазах мгновенно зажглись звезды, а система на долю секунды выдала критическую ошибку.

Реакция окружающих была соответствующей. Свидетели на остановке стояли с онемевшими лицами, пытаясь осознать, почему человек после такого удара всё еще остается в вертикальном положении. Пока они пытались понять, что произошло, водитель, осознав масштаб потенциального геморроя, предпочел быстро скрыться с горизонта.

Самое удивительное, что я просто пришел в себя и пошел дальше. Никаких фатальных вмятин или сбоев в работе процессора. Этот случай стал жирной точкой в главе о моем везении. Если тебя в голову бьет автобус, а ты отделываешься лишь временным спецэффектом в глазах — значит, запас прочности у этой системы еще очень велик. Испытание на ударную нагрузку пройдено успешно.

Глава 17: Невидимый привратник

После всех историй о «везении» пора вернуться на территорию, где логика бессильна, а датчики выдают необъяснимые помехи. Этот случай произошел в детстве и до сих пор висит в памяти как необъяснимый баг в протоколах доступа.

Было поздно, около одиннадцати или половины двенадцатого ночи. Я задержался на улице и приперся домой, когда все, казалось, уже спали. Я честно стучал в дверь, ждал, прислушивался — тишина. Никто не открывал, за порогом не было слышно ни единого движения.

В какой-то момент я буквально на секунду отвернулся. И тут за спиной произошло то, что не вписывается в работу механики: дверь открылась. Она сделала это абсолютно тихо, плавно, без единого щелчка замка или звука отодвигаемой защелки. Просто — «вход разрешен».

Я зашел внутрь с полной уверенностью, что кто-то из домашних всё-таки проснулся, открыл и быстро ушел вглубь коридора. Но в доме была гробовая тишина. Я проверил коридор — пусто. Никто не проходил мимо, никто не возвращался в кровать, никто вообще не вставал.

В голове в тот момент крутилось короткое: «Что за херня? Кто это сделал?». Но детский мозг быстро адаптируется к аномалиям. Раз дверь открыта и путь свободен — значит, пора заканчивать смену. Я просто забил на логику и пошел спать, оставив вопрос о том, кто в ту ночь сработал невидимым привратником, в категории нерешаемых системных загадок. Как будто само пространство решило, что объекту пора вернуться на базу, и просто на время аннулировало физику замка.

Глава 18: Акустические фантомы (Голоса в пустоте)

В инженерии есть понятие «ложного срабатывания» — когда датчик фиксирует сигнал там, где его быть не должно. В моей жизни это явление приняло форму звуковых аномалий. Это происходило раза два или три: ты находишься в абсолютно пустом месте, где нет ни души, и вдруг четко слышишь, как тебя зовут.

Это не тот случай, когда тебе что-то «почудилось» в шуме ветра или скрипе половиц.

Звук идет прямой, адресный, словно кто-то стоит буквально в паре метров от тебя.

Тебе кажется, что позвали по имени, хотя мозг в этот момент может просто пытаться интерпретировать неизвестный сигнал в понятную форму.

Каждый раз сценарий был одинаковым: ты оборачиваешься, готовый ответить или спросить «что надо?», но упираешься взглядом в пустоту. Никаких тепловых следов, никакого движения, никакой логической причины для звука.

Такие моменты заставляют систему на мгновение подвиснуть. Ты начинаешь сканировать пространство на предмет скрытых объектов, но результат всегда нулевой. Как будто внешняя среда иногда пробрасывает «тестовый вызов», проверяя, на связи ли ты. И хотя рациональная часть меня пытается списать это на акустические ловушки или сбои восприятия, ощущение того, что пустота обратилась именно к тебе, остается в архивах памяти как факт, не требующий доказательств. Тебя позвали — ты услышал, но в этой сессии диалог не предусмотрен.

Глава 19: Сбой интерфейса (Сонный паралич и акустический рейв)

В работе любой сложной системы бывают моменты, когда софт просыпается раньше, чем «железо» успевает инициализироваться. В медицине это называют сонным параличом, но по ощущениям это чистый баг системы: ты уже в сети, всё видишь и слышишь, но управление телом заблокировано на уровне ядра.

У меня таких эпизодов было два. Ты лежишь, осознаешь реальность, но не можешь двинуть ни пальцем, ни подать голос. Полная изоляция сознания внутри неподвижного

каркаса. В такие моменты интерфейс начинает генерировать визуальные и слуховые артефакты, пытаясь заполнить пустоту и тишину.

Самая дикая аномалия проявлялась, когда я лежал в наушниках в полной темноте и тишине. Стоило включить музыку, как восприятие пространства ломалось окончательно. Возникало четкое ощущение, что прямо по моему потолку бежит огромная толпа. Звуковая сцена в наушниках резонировала с тишиной комнаты так, что создавался эффект присутствия на танцполе: ты лежишь неподвижно, а над тобой — безумный ритм и топот десятков ног.

Это состояние — идеальный пример того, как наш внутренний процессор может дорисовывать реальность. Когда внешние датчики (зрение, движение) отключены, мозг берет аудиопоток и превращает его в полноценную галлюцинацию. Ты превращаешься в точку в центре звукового шторма, где границы между физическим миром и цифровым сигналом стираются. Страшно? Первое время — да, но потом просто принимаешь это как специфический режим работы сознания, когда ты одновременно и зритель, и часть этого странного, невидимого рейва.

Глава 20: Режим экстренной эвакуации (Связка «Жопа — Голова»)

В моей системе безопасности есть уникальный модуль, работающий на стыке интуиции и базовых инстинктов. Это та самая связка «жопа — голова», о которой мы уже подробно говорили в пятой главе: когда первая фиксирует начало вибрации, а вторая мгновенно генерирует план отхода.

Случай произошел на первом курсе. Мы тогда только начали учиться, обживались, и повод отметить успешный старт нашелся быстро. Квартира, пацаны, классический студенческий бухич — всё шло по накатанной. Но в какой-то момент мой внутренний датчик выдал критическое предупреждение. В жопе начало свербеть так, что в голове красными буквами загорелось: «СЪЕБЫВАЙ». Прямо сейчас, без лишних раздумий. Я не стал спорить с системой. Быстро придумал какую-то левую отмазку, попрощался и рванул к себе в общагу. Едва я успел переступить порог своей комнаты, как раздался звонок. Оказалось, что буквально через считанные минуты после моего ухода на квартиру внезапно нагрянули родки одного из пацанов. Накрыли всю контору в самый разгар.

Когда я слушал в трубку подробности этого «побоища», у меня внутри всё высохло от осознания того, насколько вовремя сработал протокол эвакуации. Если бы я проигнорировал этот «зуд» и остался, моя биография могла сильно подпортиться в тот же вечер. Но связка сработала идеально: жопа почувствовала угрозу на подлете, а голова вовремя нажала кнопку катапультирования.

Это был сравнительно легкий случай — просто что-то непонятное и подозрительное, что в итоге обернулось ржачной историей. Но вывод здесь серьезный: доверяй своей системе даже в мелочах. Сегодня она спасает тебя от взбучки, а завтра этот же протокол может вытащить тебя из по-настоящему тяжелой ситуации. Если система орет «беги» — беги, не задавая вопросов.

Глава 21: Погребение заживо (Тайминг на грани)

Если вы думали, что люки и автобусы были пределом, то ПГТ припас для меня финальный босс-уровень. Это была история о том, как я чуть не стал частью дорожного покрытия в буквальном смысле.

Дядька отправил меня ко второму родственнику с каким-то поручением и попросил обернуться максимально быстро. Я, как послушный исполнитель, врубил форсаж и

понесся на всех парах. Бежать было недалеко, но маршрут пролегал через улицу, где полным ходом шли ремонтные работы — меняли трубы.

На полном ходу я не рассчитал траекторию и совершил классический «пиздык» прямо в свежевырытую канаву. Глубина была приличная, и пока я соображал, что произошло, и пытался развернуться, система выдала сигнал максимальной опасности. Прямо над моей головой возник ковш трактора.

Тракторист работал на автомате: он уже всю закапывал этот участок и как раз подсыпал землю, чтобы сравнять траншею с горизонтом. Я оказался в слепой зоне. Секунда промедления — и меня бы просто засыпало, закатав в историю этой улицы навсегда.

Действовать пришлось на инстинктах: я рванул по дну канавы, быстро нашел место, где арык спускался вниз, и буквально вылетел оттуда на поверхность. В ту же секунду трактор сбросил порцию земли ровно в то место, где я стоял мгновение назад. Вылез, отряхнулся, посмотрел, как он это место закапывает, и выдохнул: «Фу, блядь, повезло». Этот случай закрепил главный урок выживания: скорость — это хорошо, но если ты бежишь быстрее, чем работает твой радар, велик шанс, что тебя спишут в утиль и даже не заметят. Тайминг в тот день был идеальным — система успела катапультироваться из ловушки за миг до того, как меня окончательно «заархивировали».

Глава 22: Фантомные уведомления (Цифровое эхо)

Житуха — реально лучший режиссер, причем с очень странным чувством юмора.

Голливуд бы такие сценарии просто не потянул: либо не поверили бы в такой запредельный фарт, либо бюджет на каскадеров раздули бы так, что дешевле было бы закрыть студию. Но помимо жесткого физического экшена, реальность подкидывает и чисто технические глюки, которые не привязаны к конкретному месту.

У меня это проявляется в виде фантомных уведомлений от аппаратуры. Это системный баг, который не лечится прошивкой. В период до 2020 года такая чертовщина происходила стабильно: редко, но, как говорится, метко. Бывает, телефон издает отчетливый звук сообщения — ты его слышишь, мозг фиксирует входящий сигнал, ты берешь трубку, а там пусто. Ни уведомления, ни пропущенного, вообще ни хера.

Иногда это заходило дальше: фантомные звонки, когда ты готов ответить, но понимаешь, что сеть молчит, а устройство даже не зажигало экран. Это не просто «почудилось» — это адресный акустический сигнал, который проходит сквозь фильтры восприятия.

Эти цифровые призраки сопровождали меня годами. То ли это эхо сигналов из будущего, то ли просто помехи в интерфейсе между мной и техникой. Аппаратура словно жила своей жизнью, обмениваясь данными в обход логов, а я просто иногда ловил эти обрывки кода, которые не предназначались для моих глаз и ушей. В мире, где всё завязано на связи, такие «пустые» вызовы — напоминание о том, что у железа тоже есть свои секреты, которые оно не спешит раскрывать.

Это не было галлюцинацией — я специально проверял этот момент. Когда звук слышат несколько человек одновременно, это уже физическое событие, а не сбой восприятия. Иногда это заходило дальше: четкие фантомные звонки, на которые ты готов ответить, но видишь, что сеть молчит и экран даже не загорелся.

Интересно, что я замечал подобное и у других людей. Это был период каких-то глобальных «шумов» в системе связи. Аппаратура словно жила своей жизнью, обмениваясь данными в обход логов, а мы просто ловили эти обрывки кода. В мире,

где всё завязано на электронике, такие «пустые» вызовы — напоминание о том, что у железа бывают системные сбои, которые слышны в реальности, но не оставляют следов в памяти девайса. После 2020-го этот баг практически исчез, как будто систему наконец-то пропатчили.